

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (В.П. Булдаков):

У меня вопрос: сочетаются ли эти самые циклы цивилизационного так называемого маятника с другими известными циклами? Скажем, всем известный Александр Янов, он свои циклы предложил, реформу и эволюцию. Известны кондратьевские волны и т. д. и т. п. То, что цикличность присутствует, вопроса нет. Но все-таки, какая цикличность доминирует? — Вот это хотелось бы знать. И другой, связанный с этим вопрос: можно ли привязать цивилизационную цикличность России к тем или иным правителям? По-моему, здесь перебор имеет место быть. Я потом об этом расскажу. Я думаю, что при всем нашем этатизме все-таки так ставить вопрос не стоит. Царь-реформатор, царь-модернист и т. д. Здесь любой историк массу замечаний сделает и, попросту говоря, не поверит. Вопрос в том, стоит ли все-таки это делать?

Ответ:

Начну с замечания о большом объеме доклада. Введение здесь каких-либо ограничителей максимум-минимум представляется мне не вполне конструктивным. Текста должно быть ровно столько, сколько его необходимо для решения поставленных задач. В данном случае для раскрытия соответствующих проблем потребовался именно тот текстуальный объем, который и был предложен. Каждый фрагмент текста появился не случайным образом, а сообразно с исследовательским планом. Поэтому искусственное купирование каких-либо фрагментов означало бы деформацию творческого замысла.

Итак, циклы. Специального анализа на соотношение предложенного концепта с различного рода циклическими теориями не проводилось. Концепций циклизма истории в настоящее время столь много, что впору проводить истори-

ографическое исследование. Причем начинаться оно, вероятно, будет еще с древнеиндийского представления о «кальпе». Войти в данное историографическое поле означало бы уйти в сторону от решаемых в исследовании задач.

Но что такое цикл? Это определенный формат движения. Двигаться циклически могут совершенно различные объекты. Совпадение динамического формата не означает их сущностного подобия. В данном случае был взят один, вполне определенный критерий — цивилизационная идентичность. Это не кондратьевский цикл, и не цикл в интерпретации А. Янова. Научная новизна заключалась именно в оцифровке состояния цивилизационной идентичности. Мы предполагаем продолжить исследование по цифровому описанию слабоформализуемых показателей исторического развития. В Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования реализуется на этот счет специальный исследовательский проект. Будет ли его результатом получение циклических схем по иным параметрам развития — покажет дальнейший ход работы.

В отношении вопроса об идентификации цивилизационных циклов через образ определенных правителей. Уточню свою позицию. Повторю: в XIX в. был распространен взгляд о том, что русские цари меняются в строгой последовательности через одного, отнюдь не означала констатации решающего значения в смене парадигм развития фактора интронизаций. Как раз, с точностью до наоборот. Не цари задавали вектор происходящих трансформаций, а сами они являлись заложниками трансформационных процессов. Правитель, вступающий на престол с определенной ментальной предрасположенностью и идейной нагрузкой, должен был корректировать свои взгляды и ценностные предпочтения, эволюционизируя в соответствии с вызовами времени, в соответствии с вектором цивилизационного маятника. Характерный пример — национал-большевистская трансформация режима в 1930-е гг. У власти к тому времени находились политические

фигуры, соотносившие свою деятельность прежде с парадигмой левого интернационализма. Но ход цивилизационного маятника объективно сменил свою векторальную направленность. Эта смена заставила политическую элиту во главе с И.В. Сталиным переориентироваться на позиции, связанные с парадигмой цивилизационного отторжения. Таким образом, не цари задают вектор трансформаций, а трансформации задают смену идейных парадигм царствования.

Вопрос (Л.И. Никовская):

Каковы в этой конструкции место, роль и перспективы постмодерна? Следующий вопрос, вытекающий отсюда: будет ли все-таки этот синтез, как Вы его описываете, модернизма и традиционализма?

Ответ:

Я не совсем принимаю термины с обозначением «пост». При данном лингвистическом конструировании сущность определяемого явления оказывается содержательно выхолощенной. Постмодерн — это нечто, что будет «после модернизма». А что будет после модернизма? В чем заключается эта новая парадигма? За содержательной неопределенностью термина скрывается отсутствие осознанных ориентиров будущего.

То, что обозначается в футурологической литературе понятием постмодерна, представляется мне одной из стадий модернизационного процесса. Первую стадию — высвобождение из власти традиций — можно определить в качестве восходящей стадии модернизма. Действительно, традиции на определенном этапе стали сдерживателем развития человека. Они сковывали инициативу. Они, по выражению Гердера, явились «духовным опиумом». Хотя тот же Гердер именно в традициях видел основу развития. Соответственно, ломка традиционной системы общества исторически была предопределена. Решение задач новационного развития соотносилось с восходящей стадией модерна. Но, двигаясь в этом

направлении, на определенном этапе, человечество дошло до такого уровня высвобождения, когда межпоколенческая преемственность оказалась в состоянии полной деструкции. Дальнейшее движение в этой векторальной плоскости обозначило перед человечеством реальную угрозу гибели. Именно эта нисходящая стадия деструктивного развития модернизационного процесса и соотносится, в моем понимании, с явлением постмодерна. Здесь я солидаризируюсь с позицией тех мыслителей и авторов — в том числе, выступающих и на семинаре, которые говорят, что объективной необходимостью сейчас представляется синтез традиционализма и модернизма. На повестке стоит традиционалистско-модернистский союз против постмодерна.

Состоится ли переход к синергийному этапу развития? Это вопрос к человечеству. Имеются заложенные в недрах современного общества симптомы, позволяющие говорить о синергийном мироустройстве с достаточной степенью вероятности, которая только возможна по отношению к проектам футурологического типа. Один из таких симптомов — восстановление регулирующей миссии государства. Эпоха модерна соотносилась с выдвиганием дерегуляционной модели общественного функционирования. Новая парадигма заключается в использовании стимулирующего инструментария, косвенных механизмов управления. Это не директивное управление, но и не дерегуляция. Можно найти и другие симптомы грядущего синергийного перехода. Так, основной ресурс эпохи традиционализма заключался в мышечной силе человека. Период модерна, выдвинувший путь машинного производства, определил переход к топливно-энергетической ресурсной базе. Новая парадигма развития видится в возвращении к ресурсу собственно человеческих потенциалов. Но речь идет уже не о мышечной энергии человека, а о его интеллектуальных свойствах.

Итак, определенные симптомы перехода к синергийной стадии, безусловно, есть, но общий тренд пока совершенно другой.

Двигаясь по нисходящей линии модернизационного процесса, человечество идет навстречу собственной гибели. Вопрос заключается в том, может ли оно изменить тренд и, акцентировав силы на развитии предсинергийных симптомов, выйти на спасительную для себя платформу социальной синергии.

Вопрос (В.М. Межуев):

Насколько корректно скрестить Гегеля с Геноном? Большую противоположность, действительно, трудно представить. Один действительно триадичен, а другой — атриадичен? Если бы Гегель был жив, он бы, наверное, большего противника, чем Генон, себе не нашел. В этом смысле надо об этом рассказывать.

Ответ:

Кратко прокомментирую. Основой используемого подхода была попытка примерить противоположности, устранить антагонизмы. Она берет истоки, может быть, даже в древней инь-янь концепции. Именно сочетание противоположностей позволяет обрести принципиально новое качество. В этом смысле синтез ряда положений гегельянства и генонизма и составляет предлагаемую методологическую новацию. Из базовых курсов естественнонаучных дисциплин довольно хорошо известно, что разноименные элементы притягиваются, а одноименные — отталкиваются. Следует предположить, что и по отношению к общественным феноменам действуют такого же рода закономерности системообразования.

В.М. Межуев:

Вы хотите примерить миф и утопию. Результатом Гегеля была рациональная утопия. А результатом Генона, насколько я это знаю, была все-таки реабилитация мифа. Возможно ли это сделать — большой вопрос. Вы, в общем, просто создаете новую мифологию. Это очень важно понять. Будем считать, что это не вопрос, а просто заявка на дискуссию.

Ответ:

Рациональная утопия сама может являться мифом. Более того, мифологический компонент обязателен для любого системного конструирования, включая создание научной теории. Не существует и немифологизированного утопизма. Разве не присутствовал миф в идейном арсенале марксистской утопии, выведенной из того же гегельянского триадизма? Генон мифологизировал прошлое, конструируя утопию утраченного «золотого века», Гегель же создавал мифологию будущего, «конца истории». Предлагаемый синергийный подход — это попытка соединить категории генонистского «прошлого» и гегельянского «будущего» в рамках единой схемы исторического развития.

Вопрос (А.И. Неклесса):

У меня вопрос, на первый взгляд, технического свойства, но, учитывая тему доклада, думаю, он содержит сущностную составляющую. В ходе выступления Вы представили графики, связанные с цивилизационной идентичностью. По одной оси располагались годы, а по другой — та самая цивилизационная идентичность. У меня вопрос: а что собственно измерялось в качестве показателя цивилизационной идентичности?

Ответ:

Оценка состояния цивилизационной идентичности проводилась в режиме экспертных опросов. Впервые такая методика была апробирована в реализованном Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования исследовательском проекте по демографическому развитию России. Экспертам было предложено при определении коэффициента цивилизационной идентичности на соответствующих временных интервалах руководствоваться порядка 70 различными индикаторами. Среди них, к примеру, присутствовали измерители цивили-

лизационной идентичности через национальную ориентированность литературы, через ценность национальных традиций, через значимость патриотических умонастроений и т. п. Конечно, экспертная оценка предполагает определенный субъективизм авторских интерпретаций. Он непременно присутствовал бы в том случае, если бы данная оцифровка была проведена одним каким-то одним экспертом. Но численность участников экспертизы варьировалась от 9 (по Бразилии) до 25 человек (по России). Полученные показатели усреднялись, объективизируя итоговый результат. Разброс оценок был допустим в плане принятия общей системы оцифровки.

Вопрос (Ю.А. Красин):

Я, к сожалению, не получил доклад, поэтому у меня элементарный вопрос, который, наверное, тем, кто прочитал доклад, ясен. В силу многозначности определений традиционализма и модернизма все-таки хотелось бы, чтобы автор четко сказал, что он имеет в виду, потому что могут быть либо какие-то объективные критерии, что связано с определенными этапами исторического процесса, либо это метод, подход к видению исторического процесса?

Ответ:

Я попытаюсь сформулировать. В основу выдвигаемых дефиниций были положены два универсальных качества развития человечества — это преемственность и изменчивость. Исходя из этих базовых принципов человеческого бытия, содержательно конструировался и категориальный аппарат. Традиционализм трактуется нами как стадия исторического развития, основанная на актуализации парадигмы преемственности. Соответственно, модернизм — на актуализации парадигмы изменчивости. Синтез изменчивости и преемственности рассматривается нами как парадигмальное основание для новой стадии — синергичности.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

У меня два вопроса. Первый из них созвучен уже высказанным репликам: трудно воспринимать работу, потому что она тоже достаточно синергийная и междисциплинарная, неожиданная. В чем была сформулирована задача исследования? В чем ее полученный основной вывод? Это первый вопрос. И второй вопрос такой: вот Вас заподозрили в том, что Вы конструируете новую мифологию. А мне кажется, что здесь конструируется новая методология. Возможно, что конструируется новая интерпретация исторической шкалы. А все-таки, что же создано в итоге этого исследования?

Ответ:

Сам замысел этой работы проистекал из проекта, осуществляемого Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, связанного с разработкой теории вариативности развития. Проблемно декомпозируя феномен вариативности развития, в нем обнаруживается две составляющие: вариативность и развитие. Проводя экстраполяцию рабочего концепта применительно к различным дисциплинарным нишам — демографической, экономической, социологической, корпоративно-управленческой, политологической, — было установлено константное наличие двух компонентов функционирования различных цивилизаций. Первый компонент — это цивилизационная идентичность, выражаемая через фактор традиции, и второй — изменчивость, преломляемый через модернизацию.

Исследовательская задача имела двоякую направленность: во-первых, она заключалась в выявлении характера взаимодействия традиционализма и модернизма в их историческом осмыслении (объяснительная функция); и, во-вторых, в установлении возможностей применения полученных выводов в практике государственного управления (праксиологическая функция). Историческим преломлением исследовательских результатов явилось моделирование триадной

схемы: дорефлекторный традиционализм, модернизм, синергичный традиционализм. Государственно-управленческое преломление выразилось в модели цивилизационного маятника, позволяющей оптимизировать систему стратегических целеполаганий государства. Как номинировать то, что получилось в итоге? Очевидно, была получена научная теория, которая дает основание для определенных прогностических проекций.